

«Я забыл последовательность»

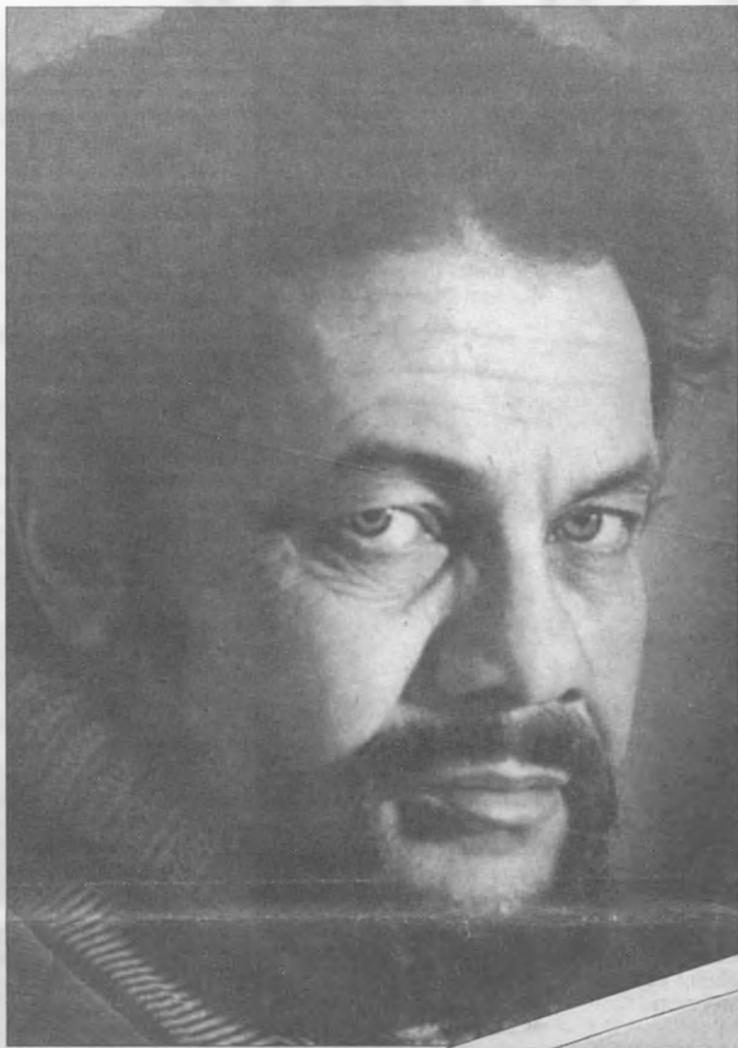
Памяти главного поэта семидесятых годов

Дмитрий БЫКОВ

30 августа этого года Александру Аронову исполнилось бы 70 лет. Он умер в 2001 году, 67 лет от роду.

Это был очень большой поэт, один из первых в поколении, но судьба его так сложилась — или он сам ее так сложил, — что знали его не в пример меньше, чем сверстников-шестидесятников. И дело не в том, что он чуть-чуть опоздал — то есть начал писать и печататься, когда Евтушенко и Вознесенский уже были в славе; поэтам 1934 года рождения еще удавалось пробиться, хотя время и схлопывалось буквально на глазах. Просто Аронов был поэтом несколько иного склада — а потому эстрада была для него закрыта; и вообще он имел меньше шансов, потому что антисоветчика еще терпели, даже иногда печатали, он все-таки был этой же комиссарской породы, — а вот поэт грустный и задумчивый был уже изначально подозрителен. Плакатная манера спасала — выполненные в этой лозунговой манере вещи могли быть сколь угодно рискованными, но в печати появлялись, как появился там и «Монолог голубого песка», и «Уберите Ленина с денег» — стихи чрезвычайно крамольные. А вот Аронов, в котором вообще ничего крамольного не было, кроме некоторой экзистенциальной тоски, — никаких шансов не имел по определению. И причина этого полуофициального запрета была вовсе не в том, что он отдал в самиздатский журнал «Синтаксис» свои действительно очень резкие ранние стихи о том, как сначала реабилитируют, а потом убьют: «Будет плакать следователь на моем плече. Я забыл последовательность: что у нас за чем». Собственно, и в этих стихах не было ничего особенно ужасного, в печать проходили вещи и более резкие, но не претендовавшие на обобщения. Потому что из стихов Аронова становилось ясно, что последовательность не прервалась, круг не разомкнут, а значит, все опять повторится. Констатации разрешались и даже приветствовались — прогнозы и попытки доискиваться до причин встречались с априорной подозрительностью. А Аронов по природе своей был именно поэт философствующий, почему и не мог получить признание в шестидесятые. Шестидесятые ведь как раз и были очень поверхностным, половинчатым временем. Многие искренне думали, что ничто не возвратится, не повторится, что симфония человека и государства теперь навсегда. Это было довольно благородное и даже простительное заблуждение, но литературу оно дало неважную. Мало что дожило даже до нашего времени. Лучшие свои вещи шестидесятники написали в семидесятых.

Аронов и был поэтом семидесятых и начала восьмидесятых, времени очень спокойного в политическом отношении, когда ничего не происходило, а сквозь щели уже явно сквозило непонятным будущим. В это волшебное десятилетие мало писали о политическом (о диссидентах не говорю и публицистику в расчет не беру), а больше думали про общечеловеческое. Это было время Трифонова и Авербаха, Рязанова и Шукшина, Нагибина и Окунджавы, Валерия Полова и Фридриха Горенштейна, раннего Михалкова (Никиты) и зрелого Аксенова. Аронов очень четко обозначал свой интерес именно к экзистенциальной, а не к социальной проблематике: бы-

1956-й

*Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.*

*Пряжкой от ремня,
Апперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.*

*Спяшат на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.*

*Скажут: — Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.*

*Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.*

ла у него «Веселая история» — о том, как парень любит девушку, а она его не любит, причем при всех режимах. И были две гениальные строчки, которые я ставлю выше всего им написанного, — они появились в «Огоньке» в 1988 году: «Когда нас Сталин отвлекал /от ужаса существования».

Напрямую столкнуться с ужасом существования, который скрывала от нас сначала раннесоветская темница, а потом позднесоветская теплица, — стране предстояло очень скоро, но предостережений Аронова почти никто не послушался. Опять казалось, что теперь-то уж все хорошо.

Это он написал семидесятнический хит «Если у вас нету дома, пожары ему не страшны» — неформальный гимн кухонной интеллигенции, программу-минимум интеллигент-

м и - нима- листа. Лучшего диагно- з а стране нельзя было поста- вить: «Если вы не живе- те, то вам и не умирать». Не жили. Правда, умирали — но как-то не очень заметно: смерть и эмиграция уравни- лись. Человек уез- жал или умирал, а остальные смы- кали ряды и продолжали призрач- ное существование. Аронов нашел себе в той щелястой империи скромную нишу — сначала препода- вал в школе, потом тридцать лет ра- ботал обозревателем «Московского комсомольца». Помню, как в 1986 году Владимир Новиков, тогда еще не профессор, а сравнительно мо- лодой и чрезвычайно ядовитый кри- тик, учил нас на журфаке в своей мастерской на примерах аронов- ских колонок, какой должна быть эзо- пова речь и что такое тонкий намек на толстые обстоятельства (в одной из колонок Аронов блистательно, но чрезвычайно аккуратно отдал модного попсового писателя патри- отического направления). Эти его колонки казались иногда необяза- тельными. Такая была болтовня ни о чем. Но болтать о чем-то опреде- ленном очень многие умели и так, а вот как бы между прочим, впроброс проговаривать неочевидное Аронов научил многих. Вообще он открыл для советского, а потом и позднесо- ветского литератора эту отличную нишу — поэт в газете. Сейчас, на- пример, так живет Игорь Иртеньев.

Александр АРОНОВ

*Познакомьтесь
с Александром
Ароновым*

Подражание английскому

*К нам пришел
Александр Аронов.
И понравился сразу не всем.
Тем отдельных
никак не затронув,
Он коснулся ответственных тем.*

*Иногда он бывает спокоен.
А пройдет две недели, чудак,
Боже мой, говорит, боже мой, он,
Как же так, говорит, как же так.*

*Часто бабушки на перекрестке
Уважительно прячут внучат,
Когда книжки несет он
в авоське,
Что-то громко при этом шепча.*

*Он не то чтоб
решительней тигра,
И, пожалуй, внушительней слон.
Но зато оглушительно тихо
В тех местах, где отсутствует он.*

Да и я, если вдуматься, так живу. Писать о культуре, и не только о культуре, иногда публиковать стихотворные подписи к фототемам, выживать благодаря газетной поденщице, при этом стараясь привнести в

мент, когда можно, по слову Аронова, «остановиться, оглянуться». Тогда и снег падал медленнее, и листья более плавно кружились. Все замерло, как перед Рождеством, в ожидании чудесного. Ясно было, что империя умирает и начинается что-то новое. Семидесятые годы были нашим Серебряным веком, и революция, как всегда, уничтожила именно тех, кто горячее и оптимистичнее всего ее ждал. Ни одной коренной русской проблемы она не решила, о чем предупреждал все тот же Аронов — чуждый в конце восьмидесятых какой бы то ни было эйфории. Лучше всего эту таинственную эпоху, когда сквозь ткань бытия явственно проступал его волшебный второй план, выразил именно Аронов. Он — да еще, может быть, Коркия с Дидуровым — был ее главным поэтом. Жданов-Парциков-Еременко были уже детьми распада.

Именно Аронов в 1989 году опубликовал стихи «Когда горело гетто...». Может, они написаны раньше. Их уже сделали песней — как многие его стихотворения. Это стихи о Польше, о том, как наши не помогли варшавскому восстанию, а сами варшавяне не спасли своих евреев. Но дело, конечно, не в этой ситуации, которая и сама по себе ужасна: Аронов всегда брал шире и глубже. Дело в том, что в истории безнаказанных победителей не бывает: тот, кто ценой подлости или простого равнодушия уцелел и ликует

сегодня, обязательно станет чьей-нибудь жертвой завтра. И те, кто плясал на костях советской интеллигенции, провозглашая наступление новой капиталистической эры и торжество рынка, сегодня чувствуют себя примерно так же, как и та несчастная интеллигенция на сломе эпох; а ведь лет пятнадцать назад они говорили — «Чем скорее вымрут старики... ну, вы помните. Аронов

все понимал, но ни о чем не говорил прямо. Не потому, что время было такое, а потому, что такой был склад дарования.

Аронов был трудным человеком с трудной биографией. Про него так и говорили, и сам он не скрывал этого. На вопросы он отвечал невпопад и мимо темы, думая о своем. На самом деле думал он о главном, поэтом так часто не попадал в тему, когда с ним заговаривали о сиюминутном. Он был отчимом известного артиста Максима Суханова, и в брутальных сухановских интонациях, в его горечи, в его отличном знании литературы — много от Аронова. Какое-то непрямото, но от того не менее властное влияние оказал он и на всех, кто его знал и просто встречал в коридорах — разговаривал-то я с ним, наверно, раза два в жизни, не более.

Если Россия когда-нибудь разорвет круг своего существования и начнет думать о действительно важных вещах, не отвлекаясь на конъюнктуру и не боясь очередного начальства, — Аронов станет одним из главных поэтов. Его стихи до этого доживут, потому что сделаны с запасом. ■

Аронов Александр Александрович 26.08.2004